

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертационной работе
Личак Наталии Алексеевны
на тему «Организация сохранения памятников искусства и старины в
1920–1930-х гг. (по материалам губерний Центрально-промышленной
области)» на соискание ученой степени доктора культурологии
по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры,
представленной к защите в диссертационном совете Д 212.307.04
при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»

Проблема института наследия в истории и культуре XX века представляется одной из самых полемичных для гуманитарных наук, культурных и политических практик в обществах модерна. Столкновение культур, яркие политические проекты, трагические последствия их реализаций, множество метаморфоз и парадоксов истории наложили свой отпечаток на российское национальное наследие, которое находится в центре внимания диссертационного исследования Наталии Алексеевны Личак. Предмет исследования выбран сложный и приходится на период тектонического раскола отечественной культуры, идеологии, государственности – это 1920–1930-е годы, а если быть точнее, то диссертация посвящена деятельности «государственных и местных органов власти, музейных специалистов, представителей церкви и общественности в ходе реализации государственной политики сохранения губернских памятников искусства и старины Владимирской, Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний Центрально-промышленной области» (с. 11).

Диссертация представляет собой исследование, выполненное на стыке истории и теории культуры, о чем свидетельствует способ конструирования предмета исследования, корпус примененных методов, а также подход к анализу литературы.

Соискатель определяет изучаемые процессы в сфере культурной политики советской России как становление и развитие новой системы сохранения памятников искусства и старины. В чем ее новость? В чем ее системность? «В 1920–1930-х гг. происходило становление и развитие новой системы сохранения памятников искусства и старины, которая была сформирована как в государстве, так и в рассматриваемом регионе с учетом ее принципиальных основ, структуры и содержания. Несмотря на жесткое противостояние защитников и разрушителей, каждый хронологический отрезок отмечен своим положительным и отрицательным отношением к прошлому» (с. 14).

Композиция квалификационной работы включает в себя введение, 4 главы, разделенные на 13 параграфов, заключение и библиографический список использованной литературы. Во введении была выделена актуальность и проблема, эксплицирована цель и задачи исследования, определен объект и

предмет, территориальные и хронологические рамки работы, дан обзор источниковой базы, методологии, степени изученности проблемы (срез исторической науки и культурологии), выделена теоретико-методологическая значимость, сформулирована научная гипотеза (с. 20-21), научная новизна (с. 21-23) и положения выносимые на защиту (с. 26-28), личный вклад диссертанта, а также способы апробации и внедрения результатов исследования. Введение написано в соответствии с требованиями, предъявляемые к защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Первая глава «Историография, источники и методология исследования», включает в себя три параграфа и посвящена систематизации многочисленных опубликованных и неопубликованных источников, тщательно и убедительно разделенных по видам и типам (с. 71-91). Научная ценность и новизна диссертации Н.А. Личак состоит в том, что ею осуществлен комплексный междисциплинарный подход к изучению «памятника искусства и старины», причем данному понятию автор не только культурологическую, но историческую и правовую характеристику (с. 94) и соотносит с рядом встречавшихся в законодательных актах 1920–1930-х гг. понятиями (например, «культурные сокровища народа», «памятники Республики», «культурные ценности», «предметы искусства и старины», а затем – «памятники искусства, старины, быта и природы» и др. (с. 95-96).

Вторая глава «Государственная политика сохранения памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области в начале 1920-х годов» содержит детальный анализ организационных основ культурной политики в сфере национализации, музеификации, сбережения и материального оборота российского наследия в регионе, автором выделены направления в собирании наследия, показан процесс создания учетной системы документация и регистрации памятников, эксплицированы принципы и условия определения эффективности в формировании памятникоохранных органов (с. 130-152).

Глава 3 «Практика памятникоохранных мероприятий местной власти в губерниях Центрально-промышленной области в 1920-х годах» раскрывает комплекс мероприятий местных органов власти по выявлению и сохранению памятников искусства и старины в губерниях ЦПО в 1920-х гг., убедительно раскрыто содержание противоречивых процессов сбережения наследия, с одной стороны, и распродажи, потерь уникальных произведений искусства, с другой (с. 215, 218), эксплицированы новые принципы учета и методы реставрационных работ, показана трансформация деятельности музеев под прессингом советской идеологии (с. 201, 207, 243 и пр.). Заслуживающим внимания ходом автора выступает рассмотрение процессов музеефикации в регионе через анализ кризиса провинциальной усадебной культуры.

Глава 4 «Направления памятникоохранного дела в губерниях Центрально-промышленной области в 1930-х годах» содержит аналитику огромного масштаба потерь в российской провинциальной культуре (с. 327), 1920-е–начало 1930-х гг. были названы периодом расцвета губернского краеведения, которое в 1930-х гг. «трансформировалась в основном музейное (краеведческие музеи существо-

вали во всех областных и краевых центрах) и школьное краеведение» (с. 376), детально описана деятельность по сохранению религиозных и гражданских памятников региона в условиях "воинствующего безбожия" и свертывания государственного финансирования (с. 295-320, 330-345 и пр.).

Таким образом, работа Н.А. Личак представляет собой институциональную историю наследия ЦПО за два послереволюционных десятилетия. Этот ракурс исследования можно оценить как инновационный для культурологии, поскольку в отечественной науке подобных работ практически нет. В частности, проект институциональной истории немецкой философии реализует В.А. Куренной, в близкой проблематике работает ярославский ученый В.В. Дементьева («Римская Республика: институциональная история и семиология»). Это говорит о том, что найденный поворот темы обладает безусловной научной актуальностью, имеет исследовательское будущее. Институциональный анализ культурного наследия вписывается в научную программу, нацеленную на изучение связи содержания наследия с организационно-правовым, административным контекстом в его исторической конкретности.

Теоретическая значимость диссертации связана с тем, что в работе рассмотрены специфика и генеалогия советских институтов наследия на материале ЦПО в период 1920–1930 гг. Наследие понимается как ресурс, включенный в политическую, правовую деятельность молодого советского государства. Институциональная история культуры и выработанный в диссертации подход применим к анализу других территориальных и временных рамок культуры. Систематический и исторический аспект в исследовании поставленной проблемы "прочитывается" уже в положениях, выносимых на защиту.

Личный вклад диссертанта в изучение важной культурологической проблемы связан, прежде всего, с богатством источниковой базы исследования, которая включает в себя архивные материалы, музейные источники и коллекции, документы из отделов редкой краеведческой книги, интернет-материалы (перечень дан на с. 15-16).

Диссертантом была четко выстроена региональность исследования, которая касается как территориальных, так и временных рамок работы. При этом региональность не означает теоретической узости (в данном случае мы имеем обратное), а свидетельствует о кропотливой работе с конкретным историческим материалом, глубину его краеведческой проработки и скрупулезность в анализе. Несмотря на то, что диссертация – это научно-квалификационное исследование, ее внимательное чтение убеждает в том, что перед нами обширнейший и хорошо сделанный документ, пронизанный опытом утраты, носящим личный, персональный характер отношения ученого к месту своей жизни.

Несмотря на немалое количество достоинств и новаций, всякая научная работа выступает объектом критического отношения.

Во-первых, остановимся на понятийном аппарате и его интерпретации. В исследовании доминирует индуктивный подход к материалу. Любовь к деталям, фактам, стремление к доскональности, осторожность в выводах определяют

сильные стороны диссертации, указанные достоинства накладывают ограничения на уровень теоретического видения темы. Особенно это прочитывается в работе с главным понятием диссертации – памятник. Выше мы указали на работу с понятием «памятник» (искусства и старины, культуры) как на заслугу диссертанта. В то же время отметим, что автор берет политико-правовое понимание памятника как данность, не внедряясь в аналитику культурологического, научного, теоретического содержания категории.

Историографическая трансформация понятия «памятник» в научных работах преимущественно осталась без внимания. Не была проанализирована смысловая, символическая составляющая памятника и наследия. Кроме того, в тексте досадно мало анализа литературы, посвященной проблеме исторической, коллективной, культурной памяти, которая и конструирует памятник как институт и феномен общественной жизни (Хальбвакс, Нора, Рикер и пр.). Существо памятности памятника в культуре было обойдено вниманием. Автору следовало более четко подчеркнуть, что памятник искусства и старины – это вещь, артефакт, не погребенный в архивах, а интегрированный в самые разные социальные практики, институты и контексты. В современной науке после появления акторно-сетевой теории Б. Латура, где материальный объект рассматривается как равноправный партнер и действующая единица социокультурных отношений, онтологическое содержание и ранжир методов в познании материальности резко возрастают, некоторые ученые говорят о "повороте к материальному". Отсутствие достаточно широкого разворота в сторону теорий, пусть и в смежных областях знания (например, социологии, новой культурной истории, культурной антропологии) является своеобразным вызовом для культурологии как научной дисциплины (о чем ярко пишет С.В. Соколовский). Нам следует проявить более чуткое отношение к тем открытиям, которые сделаны коллегами из смежных наук.

В связи с теоретическим анализом терминологического аппарата отметим и то, что понятие памятника нельзя рассматривать без учета проблемы социальных границ памяти. Проблема границ имеет не только территориальный и хронологический аспект (который был блестяще выдержан в диссертации), но также обнаруживается в отношении к способу исследования памятников. В работе, как представляется, не нашел отражения факт "внезапности" объекта любого историко-культурного исследования. В современном гуманитарном научном знании, также как и в искусстве, предмет может быть исследован только тогда, когда его конструирование и изучение сопровождается рефлексией способов его познания.

Во-вторых, отметим отдельные аспекты работы с методологической проблематикой. В параграфе 1.3 «Методология исследования» дан не столько разбор применяемых в исследовании методов (общенаучных, частнонаучных, специальных и пр.), сколько отражено отношение к культурному наследию со стороны государственных институций, выделено терминологическое разнообразие определений объекта ("памятник искусства и старины") в политическом дискурсе того времени (например, в декретах, обращениях, статьях высших

политических руководителей страны и пр.). Методология дана в основном через терминологию, что требует дополнительных комментариев со стороны диссертанта. В продолжение вопроса относительно методологии в параграфе 1.3 отметим, что усиленное внимание к нормативно-правовым документам требует пояснений в отношении того, как сложнейшая и исторически очень ценная работа по собиранию и комментарию документов может получить название «методология исследования»? Кроме того, отметим необходимость дополнительных уточнений в связи с понятием "историко-феноменологический метод" (с.122). Опуская акцентирование специфики феноменологии в контексте позитивизма, отметим важный для феноменологии антропологический аспект, а также то, что в позитивизме и феноменологии по-разному понимается и создается образ прошлого. Как это различие реализуется в исследовании Н.А. Личак? Если автор присоединяется к феноменологической установке (с. 122), то кто выступает субъектом, конструирующим "памятник искусства и старины", на каких основаниях он конструируется, как он вписан в жизненный мир субъектом исторического прошлого России 20–30-х годов прошлого века? По нашему мнению, работа представляет собой исследование памятников как социального и культурного института, тогда как антропологическая линия в исследовании была обозначена пунктирно, так ли следует понимать диссертантку?

В-третьих, остановимся на проблематике музеефикации памятников культуры и старины. В параграфе 2.3 «Деятельность провинциальных музеев по сохранению памятников искусства и старины» говорится о становлении советских институтов наследия в провинции данной территории. Возникают культурологические вопросы, а именно как была устроена экспозиционная деятельность музеев, какой научный и теоретический подход она выражала, чем отличалась от дореволюционных практик музейной консервации объектов? Как изменилась научная, образовательная, просветительская деятельность музеев? На каком основании и на каких научных принципах культовое пространство трансформировалось в музейное? Даже если процесс носил преимущественно стихийный характер, то задача исследователя состоит в том, чтобы эксплицировать "скрытые" механизмы действия. Как ставилась в литературе и решалась проблема музеефикации исторического контекста памятника, в том числе и на материале советской культуры? Если в работе и присутствуют ответы на эти вопросы, то они не аккумулированы в соответствующих параграфах.

Отмечая высокую актуальность, новизну собранного и систематизированного эмпирического материала, теоретическую значимость осмысления понятий памятника культуры и связанных с ним положений, охватывающих познание историко-культурного наследия, подчеркнем: цель науки – получение нового знания, а не только методологическая и методическая выдержанность соответствующих процедур. Опираясь на этот фундаментальный тезис, мы со всей очевидностью можем сказать, что диссертационное исследование Н.А. Личак состоялось, получено новое знание, с опорой на твердый фундамент подлинных исторических документов и богатством исторических данных, введен в оборот

колоссальный объем архивных материалов, и сделано это с профессиональной точностью и ответственностью, исследование построено не просто на спекулятивной критике культурных теорий, но укорено в эмпирическом анализе конкретных текстов и объектов культурного наследия.

Считаю, что диссертация Личак Наталии Алексеевны является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям п. 9, п.10, п.11, п.12, п.13, п.14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор – Личак Наталия Алексеевна заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Доктор философских наук
доцент, проректор по научной работе
и международным связям ФГБОУ ВО
«Самарский государственный
институт культуры» С.В. Соловьева

Подпись Соловьевой С.В. заверяю
20.09.2016

Соловьева

6001 С.В. заверяю
интационного обеспечения
20.09 20.16 г.

Соловьева Светлана Владимировна,
доктор философских наук, доцент, проректор по научной работе и
международным связям
ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры»
Адрес: 443011, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167
Тел: 8(846)333-22-11
E-mail: metaphisica@rambler.ru